

ПЕРМСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

(Рец. на кн.: Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности : коллективная монография / науч. ред. Т. А. Снигирева, Е. К. Созина. — Екатеринбург ; Ижевск ; Сыктывкар : Издательство УМЦ УПИ, 2014. — 556 с.)

УДК 821

ББК 83.3 (2)

Рецензируемая фундаментальная монография является итогом многолетней работы большого коллектива ученых — филологов и историков Екатеринбурга, Ижевска, Сыктывкара. Само по себе исследование, объединившее более 20 специалистов, потребовало от авторов единства общих позиций, близости и родства концептуальных основ. С этой точки зрения важно краткое, но емкое «Предисловие», написанное ведущими авторами монографии и ее научными редакторами — В. М. Ванюшевым, В. А. Лимеровой, Т. А. Снигиревой и Е. К. Созиной. Авторы отмечают важность и необходимость «системного изучения промежуточных межлитературных общностей, их внутренних свойств и взаимных отношений» (с. 5). Конечно, пермский литературный материал уже был предметом рассмотрения российского литературоведения в предшествующие годы, но, в основном, каждая из этих литератур рассматривалась либо по отдельности, либо во взаимодействии с другими. Поэтому накопленный эмпирический и исследовательский материал нуждается не просто в обобщении и систематизации, но в контекстуализации, т. е. вписывании его в систему связей и отношений как с финно-угорской культурой, так и с русской словесностью. Авторы монографии учитывают его в полном объеме, а главное, что в коллективной монографии пермская литературная общность впервые получила столь комплексное и системное освещение на разных уровнях поэтики в соотношении с литературным процессом XIX–XX вв.

В полной мере этот подход отражен в первом разделе монографии «Развитие национальной словесности в пространстве диалога культур». Он состоит из восьми глав, в которых доминирует историко-культурный подход к рассматриваемым явлениям. Внимание исследователей обращено на то, как из лоно фольклора в процессе пробуждения национальной идентичности рождаются первые опыты удмуртской литературы (глава «Удмуртский

фольклор и литература: грани взаимопроникновения», автор — Т. Г. Владыкина), как сложившиеся к концу XVIII в. основы письменной культуры у народа коми закономерно привели к началу литературных опытов (глава «Письменность и становление коми литературной традиции», автор — Г. В. Федюнева). Особую роль в истории государства Российского и, как следствие, в развитии пермских литератур сыграл век русского Просвещения и просветительства. Если в русской литературе это был период глубокого теоретизирования по проблемам стихотворчества (М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский и др.), то в пермских национальных литературах это было время первичного овладения поэтической техникой (глава «Российское просветительство и первые поэтические публикации на удмуртском языке», автор — В. М. Ванюшев). В главе раскрыто значение литературных памятников XVIII в. для последующего развития удмуртской поэзии, которая до этого «проявляла себя лишь в устно-поэтической форме» (с. 60).

Этнографизм — одна из ключевых категорий, важных для концептуальной основы рецензируемой монографии. Резонно, что глава монографии «Опыты “этнографического письма” в эпоху Просвещения: Г. Ф. Миллер — И. Г. Георги» была написана доктором исторических наук А. Е. Загребиним. Присутствие историка в компании филологов оказалось весьма продуктивным: автору удалось не только интересно написать про зачинателей «этнографического письма», стоявших у истоков финно-угроведения, но и совместить исторический дискурс с филологическим, а порой и с беллетристическим. Продолжает этнографический раздел работа Е. Г. Власовой, которая обращается к истории коми-пермяцкого дискурса в российской периодике XIX — начала XX вв. Ею проанализировано «формирование своего рода репрессивного дискурса — свода устойчивых негативных репрезентаций, инспирированных колонизаторскими установками

и обладающих сюжетно-семантическим и стилистическим единством» (с. 69). Интерес этой главы видится в установке ее автора разрушить благостные стереотипы, связанные с тем, что этноцентрические дискурсы, русский и коми-пермяцкий, изначально и всегда находились в сложных диалектических отношениях притяжения-отталкивания, не всегда гармонизировали друг с другом. Остановившись на наиболее репрезентативных текстах, в которых отразилось становление коми-пермяцкого дискурса, исследователь показывает, с каким трудом и с какими «перегибами» шло в российской периодике, да и в художественной литературе (пример — «Подлиповцы» Ф. М. Решетникова), постижение национальной и культурной «инаковости» коми-пермяков.

По-своему уравнивает работу Е. Г. Власовой следующая глава «Зырянский мир в русской литературе» (автор — одни из научных редакторов и составителей монографии — Е. К. Созина). Она рассматривает культурно-историческое постижение того, что для русской публики длительное время оставалось *terra incognita*, хотя и находилась эта «страна» в пределах Российской империи. Автор создает широкий контекст русской словесности, в котором шло освоение культуры зырянского народа. И далеко не всегда этот контекст был враждебен и носил колониальный характер по отношению к осваиваемой и постигаемой культуре жителей северо-востока России. В той или иной мере в главе упомянуты или кратко проанализированы работы многих беллетристов, этнографов, публицистов как первого ряда, так и второго, т. е. тех, кого традиционно относят к периферии литературного процесса (А. Писемский, С. Максимов, Г. Успенский, Ф. Арсеньев, М. Михайлов и др.), внесших свой вклад в формирование образа зырянского мира. Глава являет собой цикл мини-глав, в которых анализируются как этапные труды русских авторов («Край крещеного света» С. В. Максимова, «Охотничьи рассказы» Ф. А. Арсеньева, «Корабельная чаща» М. М. Пришвина), так и отдельные высказывания, отражающие взгляд русских на коми. Достоинством этой главы является не только богатый эмпирический материал, но и обоснование теоретических принципов для его анализа, взгляд на него с точки зрения архетипического и мифопоэтического подходов.

В. А. Лимерова написала главу «У истоков коми литературной эпики: описания путеше-

ствий, местнографические сочинения». Внимание привлекает последнее словосочетание в заглавии. «Местнографические сочинения» — это травелоги, созданные авторами, проживавшими в районе расселения коми. Типичным примером такого рода памятников автор признает «сочинение смотрителя устьсысольского уездного училища Василия Евгеньевича Кичина “Поездка в Усть-Сысольск” (1866)» (с. 114). Проанализировав этот и ряд других памятников, автор приходит к обоснованному выводу о том, что литераторы Коми края формировали «важные элементы национальной литературы: геопоэтический образ северного Зырянского края, образ зырянина — землепроходца и зверолова, органичные для зырянской культуры темы, сюжеты, мотивы. Именно на этой почве сложился самобытный тип национальной художественной системы, присущий и современной коми литературе» (с. 138, 139).

Рукописная традиция крестьян Верхней Вычегды XVIII–XX вв. является темой следующей главы монографии (автор — Е. В. Прокуратова). В главе рассматривается культурное влияние старообрядческой идеологии на мировосприятие местного населения Пермского края. Следует отметить высокую трудоемкость данного исследования: оно основано на анализе собранных в ряде экспедиций десятков рукописных сборников, каждый из которых подлежал текстологической обработке и соотнесению с источником, после чего дается сравнение текстов и объяснение их расхождений, сокращений, инклюзий, переакцентуаций и т. д.

Второй раздел монографии «Художественные стратегии пермских литератур» состоит из семи глав. Первая из них посвящена роли переводов русскоязычных сочинений в формировании литературных практик на удмуртском языке в XVIII — первой трети XX в. (автор — А. В. Камитова). В какой-то мере история удмуртской литературы повторяет, варьирует зарождение литературы русской. Автор главы, со ссылкой на предшествующих исследователей, указывает, что «первые переводы христианских текстов на удмуртский язык фиксируются 1740 г.» (с. 160), а в первой трети XIX в. появляются переводы на удмуртский язык книг святых евангелистов (с. 162). Одним из этапных моментов в формировании литературных практик стало издание в 1867 г. азбуки для удмуртских детей и последующая

публикация переводной педагогической литературы. Эти события заложили основу для массового распространения грамотности и письма. История России преломлялась в истории переводов русскоязычных сочинений. Она не была прямой и однозначной. Особую роль в популяризации переводов сыграл такой мастер удмуртской литературы, как Кузубай Герд. Переводчики не только переводили чужие произведения, но и одновременно вырабатывали технику собственного письма, получали импульс к созданию оригинальных произведений.

Ценность рецензируемой монографии заключается, помимо прочего, в том, что она сочетает два ракурса видения пермской литературы и два типа подхода к ней. Один из них — это взгляд изнутри самой этой литературы. Это история литературы, которая пишется самими носителями удмуртского и коми языков. А другой ракурс — это взгляд на исследуемый феномен извне, со стороны людей, находящихся за пределами данных языков, взгляд специалистов, прежде всего, по русской литературе. Второй подход отражен в главе «Картина мира в удмуртской и коми поэзии первой половины XX в.» (автор — И. Е. Васильев). Теоретическим базисом этой работы является положение об ускоренном развитии в определенные периоды времени национальных литератур (Г. Гачев). Таким периодом для удмуртской лирики стал временной промежуток с 1917 г. до конца 1950 г. И. В. Васильев избирает путь анализа не столько творческих индивидуальностей, сколько образно-тематических блоков, меняющихся во времени метасюжетов удмуртской поэзии.

Более частный вопрос исследуется в работе А. А. Арзамазова, посвященной цветовой символике в удмуртском фольклоре и поэзии 1910–1930-х гг. Можно сказать, что материал этой главы и предыдущей сходны, но анализируется он с помощью другой «оптики» и в другом ракурсе. Известно, что категория цвета в разных литературах наполнена разной символикой. В удмуртской литературе она генетически связана с колоритом, отраженным в фольклорных произведениях. Однако ожидаемый вывод о прямой корреляции цветных символов в этих двух сферах творчества оказывается не столь однозначным. Автор на большом материале доказывает, что «глубинные смыслы традиционной культуры, заложенные в цвете, в литературном восприятии

обычно не поддерживаются. <...> Мифология и фольклор как важнейшие содержательные системы остаются в стороне, на периферии художественного сознания» (с. 218).

Жанровый аспект анализа удмуртской лирики, представлен в работе В. Л. Шибанова. Автор представляет свою типологию удмуртской поэзии, выделив в ней манифестационно-публицистический, песенный, медитативный и описательно-событийный типы. Примыкает к данной главе следующая, посвященная уже коми лирике этого же периода 1920-х гг. Автор ее, Е. В. Остапова, рассматривает поэтическое творчество таких поэтов, как В. А. Савин, В. Т. Чисталев и В. И. Лыткин, которые в наибольшей степени выразили главные направления развития коми поэзии.

Жанровый принцип анализа материала поддерживает следующая работа, в которой рассматривается новеллистика в коми литературе 1920–1930-х гг. Очевидно, что пристальное внимание именно к этому периоду в нескольких главах обусловлено тем, что именно в это время происходит ускоренное развитие национальных литератур. Г. К. Лисовской, исследователем эпических малых форм, замечено, что литературные явления той поры (произведения Г. Федорова, П. Доронина, И. Изъюрова, И. Пыстина и др.) нуждаются в переосмыслении, в анализе противоречий, которые были свойственны эпохе и трактовались в угоду той или иной идеологической или эстетической конъюнктуре.

Завершает второй раздел монографии глава Т. А. Снигиревой «Двуязычный коми журнал: традиции и современность (по материалам журналов “Комі Му — Зырянский край” и “Арт/Лад”)», разбитая соответственно на два параграфа. Первый называется достаточно провокативно — «Проблемы “зырянизации” на страницах двуязычного журнала “Комі Му” периода его становления (1924 г.)». Сам по себе двуязычный журнал — явление не часто встречающееся. Он рассматривается как определенная целостность и как контекст, в котором публикуемые произведения получают дополнительный смысл, взаимно освещая и дополняя друг друга. Автор пишет о «внешнем» и «внутреннем» сюжетах журнала, которые связаны с двойной ориентацией его издателей — на внешний контекст общерусской литературы и на проблемы внутренней жизни коми народа. Исследовательский неологизм — «зырянизация» — осмысливается как

«последовательная борьба с русификацией, как единственный путь возрождения края» (с. 286). Второй параграф посвящен современному журналу «Арт/Лад», который издается с 1997 г. Главным редактором издания является один из соавторов монографии П. Ф. Лимеров. Наверное, хорошо, что не он является автором данной главы, так как оценивать собственную деятельность, находясь в кругу актуальных проблем и забот, всегда достаточно сложно. Т. А. Снигирева определяет социокультурную стратегию журнала как усилия, направленные «на сохранение и возрождение самобытной культуры, образа жизни и языка “малых народов” финно-угорского мира» (с. 291).

Еще одним из достоинств рецензируемой монографии является пропорциональность составляющих ее частей. Последний раздел, как и предыдущий, состоит из семи глав. Его содержание составляет исследование становления национальной классики в проявлениях разных творческих индивидуальностей. Это цикл монографических очерков, в каждом из которых рассматривается один классик удмуртской или коми литературы на фоне своей эпохи, в необходимом литературном контексте. При этом каждый очерк имеет свой доминирующий аспект анализа. Так, творчество И. А. Куратова рассматривается с точки зрения новых подходов к его произведениям. Для Г. Е. Верещагина избран аспект анализа синкретизма его этнографических очерков. В следующей главе поставлена цель показать художественный мир К. Ф. Жакова. Поэзия Кузубая Герда предстает как художественная система, в которой выделяются образные и тематические константы. Преломляющей призмой для анализа произведений В. Т. Чисталева стала его трагическая судьба, оборвавшаяся в сталинских застенках в 1939 г. Название главы «Кедра Митрей: тип творческого поведения» говорит само за себя. Последняя глава

монографии посвящена творчеству Ашальчи Оки в контексте художественных поисков литературы России. Особенностью третьего раздела является то, что большинство его глав написано не одним автором, а в соавторстве и в содружестве ученых Удмуртии, Коми и Екатеринбурга.

В заключение хочется сказать о тех участниках монографии, которые остаются обычно «за сценой», хотя во многом определяют читательское впечатление от текста издания. Я имею в виду редактора монографии и ее корректора, в данном случае это Т. А. Арсенова и А. Н. Зеленина. Одним из недостатков многих современных коллективных монографий является стилистическая разнородность включенных в них текстов, обилие опечаток, чего нельзя сказать в отношении рецензируемой книги.

Для поддержания критического реноме рецензента выскажу два замечания. Первое: если монография открывается «Предисловием», то логично ожидать в конце ее соответствующего ему «Заключения» или «Послесловия», в котором бы подводились итоги проделанной работы и намечались очередные исследовательские задачи. К сожалению, этого нет: исследовательское повествование просто обрывается на последней главе. Второе замечание. Монография является весьма объемным трудом — более пятисот страниц основного текста и внушительный список литературы, занимающий еще пятьдесят страниц. Для такого уровня капитальных академических работ просто необходим ряд полезных «навигаторов». Ориентироваться в монографии, безусловно, было бы намного легче при наличии указателей (именного, анализируемых и упоминаемых в монографии произведений и др.). Это могло бы стать большим подспорьем для будущих продолжателей важного и нужного труда по изучению пермских литератур.

*А. В. Кубасов – д.филол.н., профессор,
Уральский государственный педагогический
университет (г. Екатеринбург)*